

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.9>

UDC 930.22
LBC 63.3(2)5

Submitted: 30.12.2021
Accepted: 02.02.2022

IVAN IV AND VLADIMIR STARITSKY: POLITICAL STRUGGLE OR COMPETITION IN PIETY? ¹

Vladimir A. Arakcheev

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russian Federation;
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author researched and prepared for publication four acts of 1547–1566 issued by Ivan IV and the appanage prince Vladimir Andreevich on the villages of the Trinity-Sergius Monastery in Vereysky and Dmitrov counties. The diplomas are studied in the context of the corpus of act and narrative sources, containing the plot of the relationship of the appanage prince with his suzerain. *Methods and materials.* The task of this article is to clarify the real participation of Prince Vladimir in the political and administrative life of the country for three years from 1566 to 1569 and is solved by a comprehensive analysis of narrative texts and the act material in which the real prerogatives of the appanage prince are documented. *Analysis.* An indicator of Vladimir Staritsky's administrative and political activity is the intensity and nature of the charters issued and preserved by him, and their correlation with the acts of Ivan IV, to which the key part of the article is devoted. *Results.* It has been established that in addition to the acts drawn up in the office of the appanage prince relatively independently, acts have been preserved in the compilation of which protographs were used. When creating the acts in 1566, the offices of the tsar and the appanage prince used the letters of 1547 and 1548, the form of which was reproduced without significant changes. It is hypothesized that the acts of Prince Vladimir Andreevich and Ivan IV indicate a kind of competition in piety between the autocratic monarch and the prince of the blood.

Key words: history of Russia, the 16th century, act, Ivan IV, Vladimir Andreevich Staritsky.

Citation. Arakcheev V.A. Ivan IV and Vladimir Staritsky: Political Struggle or Competition in Piety? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 129-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.9>

УДК 930.22
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 30.12.2021
Дата принятия статьи: 02.02.2022

ИВАН IV И ВЛАДИМИР СТАРИЦКИЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИЛИ СОСТЯЗАНИЕ В БЛАГОЧЕСТИИ? ¹

Владимир Анатольевич Аракчеев

Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Российская Федерация;
Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Автор исследовал и подготовил к публикации четыре акта 1547–1566 гг., выданные Иваном IV и удельным князем Владимиром Андреевичем на села Троице-Сергиева монастыря в Верейском и Дмитровском уездах. Грамоты исследованы в контексте корпуса актовых и нарративных источников, сохранивших свидетельства взаимоотношений удельного князя со своим сюзереном. Задача настоящей статьи состоит в выяснении реального участия князя Владимира в политико-административной жизни страны в течение трех лет – с 1566 по 1569 г. и решается путем комплексного анализа нарративных текстов и актового материала, в котором документированы реальные prerogatives удельного князя. Индикатором административно-политической активности Владимира Старицкого является интенсивность и характер выдававшихся им и сохранившихся жалованных грамот и их соотношение с актами Ивана IV, чему посвящена ключевая часть статьи. Установлено, что помимо актов, составленных в канцелярии удельного князя относительно самостоятельно, сохранились акты, при составлении которых использовались протографы. При создании актов в 1566 г. канцеляриями царя и

удельного князя использовались грамоты 1547 и 1548 гг., формуляр которых воспроизводился без существенных изменений. Выдвинута гипотеза о том, что акты князя Владимира Андреевича и Ивана IV свидетельствуют о своеобразном состязании в благочестии между самодержавным монархом и принцем крови.

Ключевые слова: история России, XVI в., акт, Иван IV, Владимир Андреевич Старицкий.

Цитирование. Аракчеев В. А. Иван IV и Владимир Старицкий: политическая борьба или состязание в благочестии? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 129–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.9>

Введение. Патримониальный подход в исследовании истории Русского государства до 1598 г. вызвал к жизни ряд теорий – от теории «родового быта» С.М. Соловьева до концепции «родового сюзеренитета Рюриковичей над Русью» А.В. Назаренко. Все они покоятся на представлении о соучастии членов «большой» великокняжеской семьи в управлении русскими землями, что наиболее наглядно проявлялось в практике «третнего» владения Москвой в XIV – начале XVI в. и последовательном воспроизводстве системы уделов вплоть до трагической гибели Дмитрия Угличского. Существенно важным эпизодом в истории московской династии было присутствие на вершине власти рядом с Иваном IV его двоюродного брата – «принца крови» Владимира Андреевича Старицкого (1535–1569).

Методы и материалы. Задача настоящей статьи состоит в выяснении реального веса князя Владимира в политико-административной жизни страны в течение трех лет – с 1566 по 1569 г., когда, по выражению С.Б. Веселовского, «династический вопрос причинял царю большие тревоги» [7, с. 289]. В историографии второй половины XX в. эта проблема вызывала редкостное единодушие. Усилиями С.Б. Веселовского и ряда позднейших исследователей, в особенности А.А. Амосова, был доказан факт позднейшей интерполяции Царственной книги о болезни Ивана IV в 1553 г. [4, с. 184–222]. С.Б. Веселовский отклонил доминировавшее в предшествующей историографии представление о «разрыве» царя с Сильвестром и Адашевым в 1553 г. и сделал вывод о том, что «важным следствием инцидента 1553 г. была острая постановка вопроса о престолонаследии и о возможной кандидатуре на престол кн. Владимира» [7, с. 289].

Из этого вывода о претензиях удельного князя на трон последовали попытки истори-

ков показать реальную угрозу со стороны Владимира Андреевича для Ивана IV. Согласно известной концепции А.А. Зимина, Старицкое княжество относилось к числу «наиболее мощных форпостов удельной децентрализации». Поддержавший взгляды Зимина В.Б. Кобрин подчеркивал, что Старицкое княжество было «единственным удельным княжеством на Руси», а формуляр грамот его владельца «почти не отличался от формуляра царских грамот» [9, с. 340–341, 429, 477, 479; 12, с. 138]. Р.Г. Скрынников полагал, что после суда над старицкими князьями 1563 г. Владимир Андреевич не представлял опасности для Ивана IV [21, с. 159–162, 238].

С.М. Каштанов проанализировал политический потенциал Владимира Андреевича путем анализа иммунитетных грамот, выдававшихся как Иваном IV, так и удельным князем. С его точки зрения, в 50–60-х гг. XVI в. Владимир Андреевич был достаточно опасен для самодержца и его пытались «нейтрализовать», а сам он был в состоянии проводить «активную иммунитетную политику» [10, с. 142–143, 156, 168]. А.Л. Юрганов усматривает «скрытое соперничество» Ивана IV и Владимира Андреевича в одновременном завершении в 1561 г. строительства Покровского собора на Красной площади и Борисоглебского собора в Старице [26, с. 10]. Наиболее продуктивным в исследовании проблемы нам видится путь комплексного анализа нарративных текстов, содержащих фабулу взаимоотношений удельного князя со своим сюзереном, и актового материала, в котором документированы реальные прерогативы удельного князя.

Возвращаясь к весьма ответственному утверждению С.М. Каштанова о «войне иммунитетов» между Иваном IV и Владимиром Старицким в 1566–1568 гг., выразившейся в выдаче жалованных грамот [9, с. 168], отметим, что сколько-нибудь определенный вывод

об активности и осознанности деятельности Владимира Старицкого в деле выдачи жалованных грамот возможен лишь при детальном анализе их содержания и формуляра в сравнении с актами, выданными на те же вотчины ранее. В данном случае мы следуем методологическим установкам Л.В. Черепнина и Н.Е. Носова. Первый показал, что возникновение нового акта связано с переработкой предшествующих актов в изменившихся конкретных условиях [23, с. 112–209]. Полемизируя с С.М. Каштановым, Н.Е. Носов рассматривал выдачу жалованных грамот не как политическое событие, а как административно-хозяйственную процедуру, важную в первую очередь не для грамотодателя, а для адресата пожалования [15, с. 279–284].

Анализ. Восстановленный в праве владения своим уделом 25 декабря 1541 г., Владимир Андреевич впервые поднялся к трону двоюродного брата во время Казанского похода 1552 года. Согласно Никоновской летописи, Владимир Старицкий находился рядом с государем начиная с июньского похода к Коломне, где «рассматривал» воинов в полку и место предполагаемого сражения. Князь Владимир участвовал в «совете царском», где «мыслил» о походе на Казань, упоминался в письме митрополита Макария и ответном письме Ивана IV, «устраивал» в полках сотенных голов, при осаде Казани находился вместе с государем на Царевом лугу. Владимир Андреевич возглавлял группу неупомянутых бояр и воевод, к которым была обращена речь царя и ответ ему 23 августа, проносил здравницу царю на завоевание Казанского царства. Наконец, князь Владимир торжественно въехал в покоренную Казань вместе с другими династами – Иваном IV и «царем» Шигалеем [17, с. 187, 191, 197–199, 203, 204, 219, 220].

Крайне сложно предположить, что семнадцатилетний удельный князь в реальности играл столь видную роль в непредсказуемом по результатам и полном опасности походе. Летописец утаил детали, о которых поведал сам царь в первом послании А. Курбскому, вспоминая, что по завершении похода его, «аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю». Я.С. Лурье понимал этот фрагмент

как признание возвращения царя из Казани сразу после завершения компании несвоевременным шагом [16, с. 80, 393]. Однако правомерно видеть в этом преувеличенное, как это свойственно Ивану Грозному, представление об ограничении советниками его роли как самодержца в принятии решений.

Аналогичная роль Владимиру Андреевичу была уготована во время мартовских событий 1553 г., вызванных болезнью царя. Понуждаемый высокопоставленными вельможами, князем Воротынским и дьяком Висковатым, Владимир Старицкий «поневоле» целовал крест, а его мать удостоверяла подлинность акта печатью. Крестоцеловальная запись от 12 марта 1553 г. содержит обязательства общего характера, свойственные договорным грамотам более раннего времени и ставшие архаичными к середине XVI в., подобные включавшейся уже в договоры с Новгородом XIII в. статье, запрещающей удельному князю покупать села и держать «закладней» [17, с. 526; 22, с. 460–461].

Лишь спустя год в окружении Ивана IV были составлены две крестоцеловальные записи, содержавшие конкретные обязательства применительно к условиям сосуществования в одном государстве самодержца и «принца крови». Апрельская 1554 г. запись содержала обязательство Владимира Андреевича служить в случае кончины Ивана IV не только его сыну Ивану, но и в случае кончины последнего – вдове Анастасии. Майская запись содержала дополнительное обязательство удельного князя жить на московском дворе, где можно было держать не более 108 слуг удельного двора [22, с. 462–468]. В.Б. Кобрин справедливо предположил, что с 1554 г. старицким князьям было разрешено распоряжаться не только верейскими, но и старицкими владениями [13]. Дополнительные крестоцеловальные записи, видимо, и были призваны гарантировать безусловное подчинение Владимира Андреевича воле своего царственного брата. Вторым способом достижения этой цели была практика поручительства за опальных вельмож, широко распространившаяся в 1560-х гг.; только в текст поручных записей 1562–1566 гг. включалась клаузула о неотъезде фигуранта записи «в уделы», из чего видна острота взаимоотношений Ивана

IV с удельным князем Владимиром [18, с. 15, 18, 25, 30, 33, 38, 43, 50, 54, 56, 57, 60].

Сказанное в полной мере проявилось во время Полоцкого похода 1562–1563 гг., где он возглавлял большой полк и в один день с Иваном IV прибыл в Великие Луки. Здесь удельный князь вместе с царем участвовал в приговоре о походе на короля, приступил во главе своего полка к осаде Полоцка, участвовал в приговоре о посылке в Великие Луки за запасами [6, с. 125, 134, 138, 139]. Любопытную подробность содержит повесть о полоцком походе в частных разрядных книгах: в уста Владимира Андреевича «вложена» здравница в честь Ивана IV на взятие Полоцка, аналогичная здравнице из повествования о взятии Казани [5, с. 169]. Факт текстологического заимствования здравницы удельного князя в адрес своего венценосного брата подтверждает предположения о том, что летописные известия о походах 1552 и 1563 гг. представляют церемониальный образ Владимира Андреевича, едва ли не тождественный фигуре соправителя царя, которым удельный князь никак не являлся. Реальное положение Владимира Андреевича состояло в полном контроле царственного брата над ним, свидетельством чего является его возвращение в Старицу в сопровождении пристава. Факт поездки Ивана IV в марте 1563 г. на пути из Полоцка в Старицу, где он «жаловал» князя с матерью и «пировал» у них, позволяет предположить некоторое смягчение в отношениях между братьями. Повторная поездка царя в Старицу и Верею состоялась в октябре 1564 г., когда «в Верею у князя Володимера Одреевича государь был и пировал, и по верейским селом дворцовым и по вышегородским государь ездил» [17, с. 370].

Реальные prerogatives удельного князя и степень обособленности его владений от законов и принципов деятельности государства и его аппарата наглядно представлены в земской судной грамоте, выданной замосковной Вохонской волости в 1561 году. Этот акт был пожалован волоцанам удельным князем Владимиром, действовавшим в данном случае подобно суверенному правителю, спустя девять лет после начала земской реформы. Земская судная грамота свидетельствует, что как минимум в части удельнокняжеских вла-

дений была проведена земская реформа. В волости, где жили княжеские бобровники, учреждалась должность «излюбленного» судьи, в чьи руки переходил суд над крестьянами вместо прежнего суда волостеля, ловчего и их пошлинных людей.

Грамота включала в себя свод наиболее употребительных в местном суде статей из Судебника 1550 года. После перехода Вохонской волости во владение царя в результате «мены», 20 декабря 1566 г. полномочия излюбленных судей были утверждены Иваном IV [14, с. 137–142]. Судя по указной грамоте 1569 г., адресованной выборному старосте Московского уезда, земская реформа была проведена на большей части его территории [3, с. 227]. Следовательно, введение должности излюбленных судей в Вохонской волости в 1561 г. было одним из этапов реформы местного самоуправления в подмосковных волостях, включая находившиеся в то время в руках удельного князя.

Введение опричнины не могло снять напряжение во взаимоотношениях царя со своим двором. Наоборот, нараставшее отчуждение между опричными и земскими служилыми людьми заставляло Ивана IV подозревать Владимира Андреевича в возможных претензиях на трон. 15 января и 11 марта 1566 г. состоялись «мены» землями между царем и удельным князем, сохранявшие видимость добровольности, но в действительности вынужденные царем, в очередной раз поменявшим круг землевладельцев в уделе князя Владимира. В результате январского обмена землями в руках царя оказался Старицкий удел князя Владимира, включавший собственно старицкие волости, Новое городище, и «Холмские волости старой и новой уезд». Удельный князь взамен получил обширный Дмитровский уезд, в недавнем прошлом составлявший удельное княжество дяди Ивана IV и Владимира Андреевича – Юрия Ивановича Дмитровского.

По итогам мартовского обмена землями Владимир Андреевич лишился Верейского удела и города Алексин, приобретя взамен Звенигородский уезд и несколько дворцовых волостей Московского уезда [8, с. 420–424]. Вступив в права удельного властителя новых владений, князь Владимир должен был выдать

новые акты на земли для вотчинников, и прежде всего – монастырей. С.М. Каштанов, проанализировав содержание грамот «с податными привилегиями», выданных Владимиром Андреевичем в 1566–1568 гг., сделал вывод о том, что удельный князь проводил «активную иммунитетную политику», находя поддержку у митрополита Филиппа [9, с. 168].

Реальное положение князя Владимира в это время было двойственным. С одной стороны, принадлежность к московской династии обеспечивала ему первенство в земщине, что так или иначе превращало его в знамя всех недовольных опричной политикой. С другой стороны, в церемониальных и военных предприятиях он стоит рядом с государем, как, например, во время земского собора 1566 г., когда Иван IV «говорил со князем Володимиром Ондреевичем» [17, с. 402]. Его присутствие в армии, сосредоточенной в ноябре 1567 г. для вторжения в Ливонию, видимо, преследовало своей целью удерживать удельного князя под контролем. Присоединившись к армии в Твери, Владимир Старицкий сопровождал царя до военного совета на Оршанском яму, где, если судить по тексту посольской книги, он совместно с царем и царевичем Иваном участвовал в приговоре о прекращении похода и возвращении в Москву [19, с. 222; 20, с. 563]. Согласно прямым показаниям Г. Штадена и А. Шлихтинга, непосредственно перед военным советом князь Владимир раскрыл царю план заговора по его устранению во время похода [24, с. 61–62; 25, с. 101, 109]. Сопоставляя данные летописей, разрядных книг, меновных грамот, отметим факт неуклонного падения даже церемониальной активности удельного князя в середине 1560-х годов.

Индикатором же административно-политической активности Владимира Старицкого является интенсивность и характер выдававшихся им жалованных грамот и их соотношение с актами Ивана IV. Переход Дмитрова из рук царя во владение удельного князя, а Вереи – наоборот, вызывал необходимость повторной выдачи актов на иммунитетные владения вотчинников, и прежде всего – монастырей. На троицкое село Рождественское в Берендееве стане Дмитровского уезда сохранились грамота Ивана IV 1547 г. и грамота Владимира Андреевича 1566 г. (см. прил. 1, 4).

Царская тарханная грамота 1547 г. была подтверждена во время всеобщего пересмотра тарханов спустя четыре года – 17 мая 1551 г. с существенным исключением: «Опричь ямских денег, и окупных, и посошные службы, и тамги, и мыта – то им давати» (см. прил. 1).

Таким образом, с мая 1551 г. монастырская вотчина должна была платить основные прямые и косвенные налоги. Население вотчины по-прежнему освобождалось от городского дела, кошени и возки государевых «сен» и кормления «коня», устройства государева, наместничьего, волостелина и ямского двора, мощения мостов и гатей, участия в «проторах и разметах» местных сотских и дворянников. Монастырь получал судебный иммунитет, а население вотчины освобождалось от суда наместников и волостелей «опричь душегубства и розбоя с поличным» и оставалось подсудно суду келаря или архимандрита; судебные споры с окрестным населением подлежали сместному суду администрации и монастыря.

Выдачей в августе 1566 г. жалованной грамоты Владимир Андреевич обозначал свой сюзеренитет над монастырским селом Рождественским, оказавшимся после «мены» на территории удела. В диспозитивной части грамоты, касающейся налогов, констатируется обязанность выплачивать «ямские деньги с сох по розводу, по чему в котором году мы велим ямских денег положить, и за посошную службу, и откупные деньги, и тамга, и мыт» (см. прил. 4). Все судебные привилегии монастырской вотчины были сохранены. Таким образом, в сравнении с актом Ивана IV грамота Владимира Старицкого не содержала ни новых податных льгот, ни судебных привилегий.

На Троицкое село Илемна Верейского уезда сохранились грамота Владимира Андреевича 1548 г. и грамота Ивана IV 1566 г. (см. прил. 2, 3). Формуляр этих грамот совпадает до деталей: 1) обе грамоты предоставляли освобождение от суда наместников, за исключением душегубства; 2) судебные споры с окрестным населением подлежали сместному суду администрации и монастыря, население освобождалось от ответственности за случайную смерть; 3) население вотчины освобождалось от проторов и разметов в пользу сотских и десятских, кормления госу-

дарева коня, кошения сен и выплаты законного и поворотного; 4) монастырь получил право держать конское пятно; 5) население переводилось на оброк в сумме 8 руб. «за дань и за ямские деньги и за примет»; 6) предоставлялась заповедь от незваных на пир; 7) предоставлялись два срока явки крестьян на суд.

Важно подчеркнуть, что в данном случае цитированные клаузулы были первоначально сформулированы в акте, утвержденном удельным князем, а в царской грамоте лишь продублированы. Можно предположить, что, коль скоро возможность распоряжения уделом князь Владимир получил не ранее 1554 г., то и сам акт на Илемну был создан в 1548 г. путем согласования с дьяками царя, если не в самой канцелярии Ивана IV. В этом случае вряд ли можно говорить об осознанной иммунитетной политике старицкого князя. Выдача жалованной грамоты на Илемну 21 июня 1566 г. Иваном IV также не меняла административно-фискальное положение монастырского села.

К 1543, 1555 и 1566 гг. относятся жалованные грамоты царя и удельного князя на вотчины Симонова монастыря в Повельском и Берендеевском станах Дмитровского уезда. Жалованная льготная грамота Ивана IV 1543 г. на монастырские владения в нескольких уездах распространяла на вотчины, включая село Верзнево в Дмитровском уезде, двухлетнюю льготу в уплате налогов, в том числе дань, ямские деньги, пососную службу, городское дело; в 1546 г. льгота была продлена еще на три года. Жалованная грамота Ивана IV на село Софонтиево 1555 г. предоставляла вотчине лишь судебный иммунитет. Актом 1566 г. Владимир Старицкий существенно изменил положение монастырских владений в Дмитровском уезде, предоставив им, в том числе селам Софонтьево и Верзневское, полное освобождение от всех налогов: «Не надобе моя князя Володимера Ондреевича дань, и ямские деньги, и примет, и ямчюжное дело, и пососная служба, и городское, и ямское дело, ни тамга, ни осминиче, ни костки, ни явки, ни везшее, ни писщя белка, ни портное, ни поворотное, ни прудов, ни мельниц им наших не делати, ни повозов всяких не возят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни двора волостелина не ставят, ни иная никоторая

моя пошлина и дело мое никоторое не надобе, ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы» [3, с. 186]. Жалованная грамота 1566 г. на симоновские села в Дмитровском уезде была единственным из сохранившихся актов удельного князя, который существенно изменял административно-фискальное положение находившихся под его сюзеренитетом вотчин.

Чудов монастырь 15 июля 1566 г. получил от Владимира Андреевича тарханно-оброчную несудимую грамоту на владения в Дмитровском и Звенигородском уездах. Подобно селу Илемна Троице-Сергиева монастыря, для населения чудовских вотчин основные налоги были заменены оброком: «Дают мне с тех своих сел и з деревень за мою дань и за ямские за прогонные деньги оброком з году на год» [11, с. 169]. Иосифо-Волоколамский монастырь около 1566 г. получил от Владимира Андреевича несудимую грамоту на свою звенигородскую вотчину. В сохранившемся отрывочном тексте копии нет сведений о тарханно-оброчных привилегиях, предоставленных монастырю, хотя от сравнительно мелких пошлин и натуральных повинностей владения обители могли быть освобождены [1, с. 335–336]. Февралем 1567 г. датируется выданная князем Владимиром митрополиту Филиппу жалованная грамота на вотчины митрополичьих монастырей и слуг в нескольких уездах удельного княжения. На них распространялись освобождение от мелких повинностей, главным образом натурального характера, и судебный иммунитет. Последним по хронологии актом, выданным Владимиром Андреевичем, стала указная грамота архимандриту Чудова монастыря от 31 августа 1568 г. с подтверждением права на рыбные ловли в Марининской волости Переславского уезда [2, с. 32–34].

Результаты. Выданные в 1566–1567 гг. старицким князем жалованные грамоты по своему формуляру не отличались от актов, выданных в царской канцелярии, и содержали разнообразные привилегии в русле отмеченных в историографии тенденций фискальной политики государства. С.М. Каштанов отмечает, что в 1566–1568 гг. постановлениями верховной власти практиковались и бессрочное освобождение вотчин от главных налогов

и повинностей, и освобождение от податей за оброк, и освобождение от мелких повинностей, главным образом натурального характера [10, с. 167]. Важно отметить, однако, тенденцию «зеркального» дублирования актов князя Владимира Андреевича и актов Ивана IV, отмеченную в грамотах на Рождественское и Илемну.

В данном случае следует говорить, скорее, о состязании в благочестии между царем и удельным князем, тем более что состязание проводилось путем выдачи грамот таким почитаемым корпорациям, как Троице-Сергиев, Чудов, Симонов, Иосифо-Волоколамский монастыри. Если рассматривать эти акты удельного князя как способ заручиться поддержкой влиятельных монастырей, то нельзя не удивляться наивности его окружения – ни одна из облагодетельствованных Владимиром Старицким обителей не выступила против

опричной политики в целом, или хотя бы в защиту преследуемого принца крови. Говоря словами Авраамия Палицына, «всего мира безумное молчание» было ответом на эскалацию опричного террора.

В приложениях публикуются донныне неизданные грамоты Ивана IV и Владимира Андреевича 1547–1566 годов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ, проект № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации».

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2020-786 “The history of writing of European civilization”.

1547 г. марта 20. – Жалованная тарханно-несудимая односрочная и на конское пятно грамота ц. и в. к. Ивана Васильевича иг. Тр-Серг. м-ря Ионе на монастырскую вотчину село Рождественское в Берендееве ст. Дмитровского у., с подтверждением ц. Ивана Васильевича 1551 г. мая 17 иг. Артемию.

Се аз, великий царь, и государь, и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми богомольца своего Троецкого Сергеева монастыря игумена Ионну з братьею, или хто по нем иныи игумен будет в том монастыре. Били они нам челом о том, что их монастырское село Рождественое з деревнями в Дмитровском уезде в Берендеевском стану, и хто у них в том селе и в деревнях учнет жити людей, и тем их людем ненадобе моя великого князя дань, ни ямские деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни мыт, ни тамга, ни сен моих не косят, ни возят, ни коня моего не кормят, ни двора моего, ни намесничя, ни волостелина не ставят, ни ямского двора не ставят же, ни мостов не мостят, ни гати не гатят, ни к сотцким, ни к дворским с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобе. А наши намесницы дмитровские и волостели и их тиуны берендеевские тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, а праведчики и доводчики поборов у них своих не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведают и судят тех своих людей игумен сам з братьею, или кому прикажут. А кому будет каково дело городцкому человеку или волосному до монастырского человека, или монастырскому до городцкого или до волосного, и наши намесницы дмитровские и волостели и их тиуны тех их людей не судят, а игумен сам з братьею с ними ж судят, или их приказщик. А прав ли будет, виноват ли городцкой человек, или волосной, и он в правде и в вине намеснику и волостелю и их тиуном, а игумен з братьею, или их приказщик в то не вступаютца. А прав ли будет, виноват ли монастырской человек, и он в правде и в вине игумену з братьею, а намесницы наши дмитровские и волостели и их тиуны у них не вступаютца ни в праваго, ни в виноватаго. Также есми пожаловал игумена Ионну з братьею, или хто по нем иныи игумен будет: пятнати им лошади в том селе монастырским пятном. А хто у них з дерева убиетца, или от своих рук утеретца, или возом сотрет, или утонет, или иная которая смерть случитца, и оне являют нашим намесником дмитровским и волостелем и их тиуном, и оне им в том продажи не чинят. А кому будет каково дело до монастырских людей, ино их сужю яз, царь и государь и великий князь, или мой дворотцкой. А срок им чинят один в году, зиме Середохрестье Христово, а хто на них возмет не по их сроку правую грамоту или безсудную, и правая не в правую, а безсудная не в безсудную, а у кого будет грамоты на грамоты, и на сю мою грамоту грамоты нет. Писана на Москве лета 7055-го марта в 20 день.

(На об.) Лета 7000 пятьдесят девятого мая в 17 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси сеи грамоты слушав и выслушав сю грамоту, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря игумена Артемья з братьею, или хто по нем игумен будет, пожаловал: велел им сю грамоту подписати на свое цареве и великого князя имя опричь ямских денег и окупных и посошные службы и тамги и мыта – то им давати. А опричь сей подписи царя и великого князя сей у них грамоты рушати не велел никому ничем. А коли они ис тех своих сел повезут хлеб и всякой запас, или ис которых городов купив, повезут в монастырь мед, и рыбу, и масло, и иной всякой запас на монастырской обиход, а не на продажу, и они с того запаса мыта и тамги не дают.

А подписал царя и великого князя дьяк Юрьи Сидоров.

Примечание.

Источник: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 281. Дмитров. № 3780/68. Подлинник. Описание документа и печатей : Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1: А–И / подгот. А. В. Антонов (далее – ОГКЭ). М., 2016. С. 665.

Упоминается: Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 82 ; Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958 (далее – Каштанов). С. 369, 370. № 538 ; ОГКЭ. С. 665.

1548 г. января 1. – Жалованная тарханно-оброчная, обельно-несудимая, двусрочная, заповедная (от незваных гостей) и на конское пятно грамота старицкого кн. Владимира Андреевича из. Тр.-Серг. м-ря Ионе на монастырскую вотчину с. Илемна в Верейском у.

(Л. 1) Се аз, князь Володимир Андреевич, пожаловал есми живоначальные Троицы Сергиева монастыря игумена Иону з братьею, или кто по нем иной игумен будет в том монастыре. Что их село монастырское Илемна з деревнями в нашей отчине в Верее, и кто у них в том селе и в деревнях учнут жити людей, и тех их людей наместници наши верейские и их тиуни не судят ни в чем опричь одного душегубства, а праведчики и доводчики поборов своих на них не берут и не въежжают к ним ни по что, а ведает и судит игумен тех своих людей сам во всем, или кому прикажет. А случится суд сместной тем их людям з городцкими людьми или с становыми, и наместници наши верейские и их тиуни тех их людей судят, а приказчик монастырской с ними ж судит. А прав будет, или виноват городцкой человек или становой, и он в правде и в вине наместнику и его тиуну. А прав будет, или виноват монастырской человек, и он в правде и в вине монастырю. А наместници наши верейские и их тиуни в монастырского человека не вступаются ни в правого, ни в виноватого ничем, а кому будет какого дело до монастырского приказчика, ино его сужу яз, князь Володимир Андреевич, или мой боярин введенной. Также есми их пожаловал: те их люди к дворским, ни к сотцким, ни к десятцким с черными людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни коня моего не кормят, ни сен не косят, и закосного не дают, ни двора моего, ни волостелиных не ставят, ни поворотного не дают. А хто у них з дерева убьется, или кого дерево убьет, или в воде утонет, или хто от своих рук утерется, или их убитым подкинут, и наместници наши того обьщут, да велят того и схоронити безпенно, а хрестьяном их в том продажи не учинят. Также и пятенщики мои верейские конеи у монастырских людей не пятнят, а держит монастырской приказчик у себя пятно свое монастырское, и кони у монастырских хрестьян пятнит своим пятном. Также есми пожаловал игумена з братьею: дают мне с того села и з деревень з году на год на Рожество Христово за дань и за ямские деньги и за примет в мою казну оброком восемь рублев денег. А у кого у монастырских людей будет пир или братчина, и к тем к их людям к монастырским на пир не зван не ходит никто, а хто придет к ним на пир или на братчину не зван, и они того вышлют вон безпенно, а хто у них учнет пити сильно, а учинится у них какова гибель, и ему та гибель платити без суда и без исправы. А наши недельщики дают на поруку монастырских христиан, также и от монастырских хрестьян, а учинят монастырским хрестьяном два срока в году: зиме в той ж день по Крещенью Христове, а лете на Петрово заговенье, а хто на монастырских хрестьян накинет срок, а не по сему их грамотному сроку, и яз им к тому сроку ездити не велел, а хоти на них хто возмет и безсудную грамоту, а не по сему их грамотному сроку, и та безсудная не в безсудную, а пристав ездю лишен. А у которого будет наместника или у волостеля моя жалованная грамота на грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нет, а коли явят сю мою грамоту нашим наместником или волостелем и их тиуном, и они с нее не дают ничего. А дана грамота на Москве лета 7000 пятьдесят шестаго генваря в 1 день.

(Л. 1 об.) 107 Веря 7.

Князь Володимир Андреевич. По Белу горо.

Примечание.

Источник: РГАДА. Ф. 281. Веря. № 2339/12. Подлинник. Описание документа и печатей: ОГКЭ. С. 430.

Упоминается: Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 137. № 547; Каштанов. С. 373. № 568; ОГКЭ. С. 430.

1566 г. июня 21. – Жалованная подтвердительная тарханно-оброчная, обельно-несудимая, заповедная (от незваных гостей) и на конское пятно грамота ц. Ивана Васильевича келарю Тр.-Серг. м-ря Дорофею на монастырскую вотчину с. Илемна в Верейском у.

*(Л. 1) Се аз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми живоначальные Троицы Сергиева монастыря келаря Дорофея и священников и всю братию или хто у них в том монастыре архимарит будет. Били нам челом, а сказывают, что их село Илемна з деревнями в Верейском уезде, и на то село з деревнями была у них князя Володимера Онд[реевича грамо]та жаловалная ото всех податей, и нам бы их пожаловати, на то село з деревнями дати своя грамота жаловалная новая, такова ж, какова у них была наперед сего, да и грамоту жаловалную прежнюю перед нами клали. И аз, царь и великий князь тое грамоты слушав, Троецкого Сергиева монастыря келаря Дорофея и священников и всю братию и хто по них архимандрит будет, пожаловал. Что их село монастырское Илемна з деревнями в нашей отчине в Верее, и хто у них в том селе и в деревнях учнут жити людеи и крестьян, и тех * их людем наместницы наши верейские и их тиуни не судят ни в чем, опричь душегубства. А праведчики и доводчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведает и судит келарь з братею, или хто у них архимарит будет, тех своих людей и крестьян сами во всем, или кому прикажут. А случитца суд смесной тем их людем и крестьяном з городцкими людьми, или с становыми, и наместницы наши верейские и их тиуни тех их людей судят, а приказщик монастырской с ними ж судит. А прав ли будет, или виноват городцкой человек или становой, и он в правде и в вине наместнику и его тиуну. А прав будет или виноват монастырской человек, и он в правде и в вине монастырю, а наместницы наши верейские и их тиуни в монастырского человека не вступаютца ни в правого ни в виноватого ничем. А кому будет какого дела искати на монастырском приказшике, ино его сужю яз, царь и великий князь, или мой дворетцкой Большого Дворца. Тако же есми их пожаловал тех их людей: к дворским, ни к сотцким, ни к десятцким с черными людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни коня моего не кормят, ни сен не косят, ни закосного не дают, ни двора моего, ни волостелиных не *(Л. 2)* ставят, ни поворотного не дают. А хто у них з дерева убьетца, или кого дерево убьет, или в воде утонет, или хто от своих рук утерьетца, или их хто подкинет убитым человеком, и наместницы наши того обыщут, да велят того и схоронити безпенно, а на хрестьянех на их веры не емлют, и в том им продажи не учинят. И пятенщики мои верейские конеи у монастырских людеи и у крестьян не пятнят, а держит монастырской приказщик у себя пятно свое монастырское, и кони у монастырских хрестьян пятнит своим пятном. Также есми пожаловал келаря и всю братию, или хто у них в манастыре архимандрит будет: давати им с того села и з деревень з году на год на Рожество Христово за дань и за ямские деньги и за примет в нашу казну оброком восемь рублей денег. А у кого у монастырских людей будет пир или братчина, и к тем к их людем к монастырским их крестьяном на пир незван не ходит никто, а хто придет к ним на пир, или на братчину незван, и они того вышлют вон безпенно, а хто у них учнет пити сильно, а учинитца у них какова гибель, и ему та гибель платити без суда и без исправы. А наши недельщики дают на поруку монастырских людей и хрестьян, также и от монастырских хрестьян, а учинят монастырским хрестьяном два срока в году: зиме в той же день по Крещенье Христове, а лете, уговав Петрова говеина неделю, а хто на монастырских хрестьян накинет срок, а не по сему их грамотному сроку, и яз им к тому сроку ездити не велел. А хто на них возмет и безсудную грамоту, а не по сему их грамотному сроку, и та безсудная не в безсудную, а пристав ездю лишен. А у которого будет наместника или у волостеля моя жаловалная грамота на грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нет, а коли явят сю мою грамоту нашим наместником или волостелем и их тиуном, и они с нее не дают ничего. А дана грамота на Москве лета 7074-го июня в 21 день.*

(Л. 1 об.) 431 из сотен. 13 Верей. То Калуге по Верее 7074 № 10.

Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси.

(По склейке) Диак Иван Ишук.

Примечание.

Источник: РГАДА. Ф. 281. Верей. № 2341/14. Подлинник на 2 л. Описание документа и печатей: ОГКЭ. С. 431.

Упоминается: Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 137. № 548; Каштанов. С. 165. № 874; ОГКЭ. С. 431.

* Так в тексте.

1566 г. августа 1. – Жалованная подтвердительная обельно-несудимая и на конское пятно грамота старицкого кн. Владимира Андреевича келарю Тр.-Серг. м-ря Дорофею на монастырскую вотчину с. Рождественское в Берендеевском ст. Дмитровского у.

Се аз, князь Володимер Ондреевич, пожаловал есми Троицы Живоначальные Сергиева монастыря келаря Дорофея з братьею (а архимандрита в те поры у них не было), или хто вперед у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре архимандрит будет. Били они нам челом о том, что их монастырское село Рождественое з деревнями в Дмитровском уезде в Берендеевском стану, и на то де у них село з деревнями жалованная грамота царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии от дани, и от ямских денег, и от посошные службы, и от городского дела, и от мыту, и от тамги, и от сенокосов, и от дворовых дел, и от мостовщины, и от черных розметов, и от иных ото всяких пошлин, и от намесничя, и от волостелина суда, и от праведчиковых, и от доivotчиковых поборов, и от пятенных пошлин, и от продажи в душегубстве, и на которые сроки наметьвати на них приставом срочные. Да на царское же имя та у них грамота подписана, а на подписи, деи, написано: «Лета 7059-го мая в 17 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси тое их грамоты слушал и рушити ее не велел никому ничем опричь емских денег и откупных, и посошные службы, и тамги, и мыта – то им довати, а коли из тех своих сел повезут хлеб и всякой запас на монастырской обиход, а не на прадажу, и им с того запаса мыта и тамги не довати». А опричь, деи, тое подписи велел у них царь и великий князь ходити о всем по тому, как в той их грамоте подписано, а у подписи деи приписать царева и великого князя дьяка Юрья Сидорова, и та деи у них грамота в монастыре в казне, да с тое з жалованные грамоты и с подписи, какова подпись у грамоты назоиди подписана на царское имя, положили перед нами список слово в слово за килоревою печатью. И нам бы их пожаловати: выслушав, с тое их жалованные грамоты и с подписи списка велети им на то село Рождественое з деревнями дати своя жалованная грамота такова же, какова у них на то село з деревнями жалованная грамота царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и как у них на той грамоте на подписи написано. И аз, князь Володимер Ондреевич, с тое их з жалованные грамоты и с подписи, что назади у грамоты, списка слушал, и выслушев з грамоты и с подписи списка Троицы Живоначальные Сергиева монастыря келаря Дорофея з братьею, или хто вперед у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре архимандрит будет, пожаловал. Хто у них в том селе и в деревнях учнут жити людей, и те их люди нашего городского дела не делают, ни сен наших не косят и не возят, ни коня моего не кормят, ни двора моего ни намесничя ни волостелина не ставят, ни ямского двора не ставят же, ни мостов не мостят, ни гатей не готят, ни к сотцким, ни к дворником с тяглыми людьми не тянут ни в которые про (Л. 2) торы ни в розметы, ни иные им некоторые пошлины не надобе, опричь ямских денег и посошные службы, и откупных, и тамги, и мыта, а ямские деньги с сох по розводу, по чему в котором году мы велим ямских денег положить, и за посошную службу, и откупные деньги, и тамга, и мыт – то им довати. А коли они из с тех своих сел повезут хлеб и всякой запас, или ис которых городов купив повезут в монастырь мед, и рыбу, и масло, и инои всякой запас на монастырской обиход, а не на продажу, и они с того запаса мыта и тамги не дают. А намесничя наши дмитровские и волостели, и их тиуны берендеевские тех их людей не судят ни в чем. А праведчики и доivotчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни по что. А ведают и судят тех своих людей келарь Дорофеи з братьею, или хто вперед архимандрит будет, сами, или кому прикажут. А кому будет каково дело, городцкому человеку или волостному до монастырского человека, или монастырскому до городцкого или волостного, и наши намесничя дмитровские и волостели и их тиуны тех их людей судят, а келарь Дорофей з братьею, или хто вперед архимандрит будет с ними же судят, или их приказщик. А прав ли будет, виноват ли городцкой человек, или волостной, и он в правде или в вине намеснику или волостелю, и их тиуном, а келарь Дорофей з братьею или хто вперед архимандрит будет, или их приказщик в того не вступаютца. А прав ли будет, виноват ли монастырской человек и он в правде или в вине келарю з братьею или архимандриту, хто вперед архимандрит будет, а намесничя наши дмитровские и волостели и их тиуны не вступаютца ни в правого, ни в виноватого. Также есми пожаловал келаря Дорофея з братьею, или хто вперед архимандрит будет: пятнать им лошади в том селе монастырским пятном. А хто у них з дерева убьетца, или от своих рук утерьетца или возом сотрет, или утонет, или иная котторая смерть случитца, и оне являют нашим дмитровским намесником и волостелем и их тиуном, и они им в том продажу не чинят. А кому будет каково дело до монастырских людей, ино их сужю яз князь Володимер Ондреевич, или мой дворетцкой, а срок им чинят один в год зиме Середохрестье Христова, а хто на них возмет не по их сроку правую грамоту или безсудную, и

правая не в правую, а безсудная не в безсудную. А у кого будет грамоты на грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нет.

Лета 7074-го августа в 1 день.

(На об. по склейке) Диак Иван Гаврилов.

Примечание.

Источник: РГАДА. Ф. 281. Дмитров. № 3817/105. Подлинник на 2 л. Описание документа и печатей: ОГКЭ. С. 671.

РГБ. Ф. 303. Кн. 527. № 122. Л. 141 об.–143 об. Список. На левом поле номер «рkv».

Упоминается: Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. С. 87. № 283 ; Каштанов. С. 166. № 883. ОГКЭ. С. 671.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 663 с.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. III. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 442 с.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства : Акты Московского Симонова монастыря. – Л. : Наука, 1983. – 352 с.
4. Амосов, А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 392 с.
5. Анхимюк, Ю. В. Полоцкий поход 1563 г. в частных разрядных книгах / Ю. В. Анхимюк // Русский дипломатарий. Вып. 10 / отв. ред. А. В. Антонов. – М. : Древлехранилище, 2004. – С. 155–170.
6. Баранов, К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / К. В. Баранов // Русский дипломатарий. Вып. 10. – М. : Древлехранилище, 2004. – С. 119–154.
7. Веселовский, С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 538 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 586 с.
9. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1960. – 535 с.
10. Каштанов, С. М. Финансы средневековой Руси / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1988. – 247 с.
11. Кистерев, С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 годов / С. Н. Кистерев // Русский дипломатарий. Вып. 9. – М. : Древлехранилище, 2003. – С. 59–234.
12. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России / В. Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 278 с.
13. Кобрин, В. Б. Из истории Старицкого удела и двора / В. Б. Кобрин // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. – М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1990. – С. 109–111.
14. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. – М. : Тип. Им. Моск. ун-та, 1909. – 208 с.
15. Носов, Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении / Н. Е. Носов // Проблемы источниковедения. Вып. X. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 263–284.
16. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М. : Наука, 1993. – 430 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. – М. : Наука, 1965. – 532 с.
18. Поручные записи 1527–1571 гг. / подгот. А. В. Антонов // Русский дипломатарий. Вып. 10. – М. : Древлехранилище, 2004. – С. 8–79.

19. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. – Т. 2, ч. 2. – 321 с.
20. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб. : Тип. Китайского, 1892. – Т. 71. – 807 с.
21. Скрынников, Р. Г. Царство террора / Р. Г. Скрынников. – СПб. : Наука, 1992. – 572 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. – М. : Тип. Всеволожского, 1813. – 643 с.
23. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. / Л. В. Черепнин. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Ч. 2. – 470 с.
24. Шлихтинг, А. Новое известие о России времени Ивана Грозного / А. Шлихтинг. – Л. : Прибой, 1934. – 322 с.
25. Штаден, Г. Записки о Московии / Г. Штаден. – М. : Древлехранилище, 2008. – Т. 1. – 582 с.
26. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 448 с.

REFERENCES

1. *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozjajstva. Ch. II* [Acts of Feudal Land Ownership and Economy. Part 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956. 663 p.
2. *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozjajstva. Ch. III* [Acts of Feudal Land Ownership and Economy. Part 3]. Moscow, Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 442 p.
3. *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozjajstva: Akty Moskovskogo Simonova monastyrja* [Acts of Feudal Land Ownership and Economy. Acts of the Moscow Simonov Monastery]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 352 p.
4. Amosov A.A. *Litsevoj letopisnyj svod Ivana Groznogo. Kompleksnoje kodikologicheskoe issledovanie* [Facial Chronicle of Ivan Grozny. Complex Codicological Study]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1998. 392 p.
5. Anhimjuk J.V. *Polotskiy pohod 1563 g. v chastnyh razrjadnyh knigah* [The Polotsk Campaign of 1563 in Private Discharge Books]. *Russkij diplomatarij. Vyp. 10* [Russian Diplomatarian. Iss. 10]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2004, pp. 155-170.
6. Baranov K.V. *Zapisnaja kniga Polotskogo pohoda 1562/63 goda* [The Notebook of the Polotsk Campaign of 1562/63]. *Russkij diplomatarij. Vyp. 10* [Russian Diplomatarian. Iss. 10]. Moscow, Drevlehranilische, 2004, pp. 119-154.
7. Veselovski S.B. *Issledovanija po istorii oprichniny* [Research on the History of Oprichnina]. Moscow, Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 538 p.

8. *Duhovnyje i dogovornyje gramoty velikih i udelnyh knjazej XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Letters of the Great and Appanage Princes of the 14th – 16th Centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1950. 586 p.
9. Zimin A.A. *Oprichnina Ivana Groznogo* [Ivan the Terrible's Oprichnina]. Moscow, Mysl' Publ., 1960. 535 p.
10. Kashtanov S.M. *Finansy srednevekovoj Rusi* [Finances of Medieval Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 247 p.
11. Kisterev S.N. Akty moskovskogo Chudova monastyrja 1507–1606 godov [Acts of the Moscow Chudov Monastery 1507–1606]. *Russkij diplomatarij. Vyp. 9* [Russian Diplomatarian. Iss. 9]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2003, pp. 59–234.
12. Kobrin V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoj Rossii* [Power and Property in Medieval Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 278 p.
13. Kobrin V.B. Iz istorii Staritskogo udela i dvora [From the History of the Old Man's Lot and Court]. *Spornye voprosy otechestvennoj istorii XI–XVIII vv.* [Controversial Issues of National History of the 11th – 18th Centuries]. Moscow, In-t istorii SSSR AN SSSR, 1990, pp. 109–111.
14. Namestnichji, gubnye i zemskije ustavnye gramoty Moskovskogo gosudarstva [Viceroy, Provincial and Zemstvo Charters of the Moscow State]. Moscow, Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1909. 208 p.
15. Nosov N.E. «Novoje» napravlenie v aktovom istochnikovedenii [A “New” Trend in Act Source Studies]. *Problemy istichnikovedenia. Vyp. X* [The Problems of Act Source Studies. Iss. 10]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 263–284.
16. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrey Kurbsky]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 430 p.
17. Polnoje sobranije russkikh letopisej. T. XIII. Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 532 p.
18. Antonov A.V., ed. Poruchnye zapisi 1527–1571 gg. [Guarantee Acts 1527–1571]. *Russkij diplomatarij. Vyp. 10* [Russian Diplomatarian. Iss. 10]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2004, pp. 8–79.
19. *Razrjadnaja kniga 1475–1605 gg.* [The Book of Official Appointments of 1475–1605]. Moscow, In-t istorii SSSR AN SSSR, 1982, vol. 2, part 2. 321 p.
20. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshestva* [The Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografija Katajskogo, 1892, vol. 71. 807 p.
21. Skrynnikov R.G. *Tsarstvo Terrora* [The Reign of Terror]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 572 p.
22. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. Ch. 1* [Collection of State Charters and Contracts. Part 1]. Moscow, Tip. Vsevologhskogo, 1813. 643 p.
23. Cherepnin L.V. *Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vv.* [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1951, part 2. 470 p.
24. Slihting A. *Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo* [New News About Russia in the Time of Ivan the Terrible]. Leningrad, Priboj Publ., 1934. 322 p.
25. Shtaden G. *Zapiski o Moscovii* [Notes on Muscovy]. Moscow, Drevlehranilische Publ., 2008, vol. 1. 582 p.
26. Jurganov A.L. *Kategorii russkoj srednevekovoj kultury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, MIROS Publ., 1998. 448 p.

Information About the Author

Vladimir A. Arakcheev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director, Russian State Archive of Ancient Acts, Bolshaya Pirogovskaya St, 17, 119435 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, arakk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3806>

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Аракчеев, доктор исторических наук, доцент, директор, Российский государственный архив древних актов, ул. Большая Пироговская, 17, 119435 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, arakk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3806>